

ДЕТЕКТИВ ❷ ЗАГАДКА

Читайте детективы-загадки Наталии Андреевой

Эра Стрельца
Ничего личного
Комната с видом на огни
Девять дней до весны
Соло для пистолета с оркестром
Эскорт
Кен
Автора!
Любовь и смерть всегда вдвоем
Любовь и смерть в прямом эфире
Любовь и ирония судьбы
Я садовником родился
Накануне солнечного затмения
Стикс
Шутка
Фобия
Поговори со своей тенью
Черное белое
Все оттенки красного
Ловушка для падающей звезды
Сезон дикой охоты
Грозы медового месяца
Муж за алиби
Дети Белой Богини
Гробница Наполеона
Ангард!

Высокий блондин на белой лошади
Принц Эдик
Пробка
Островитяне
Вид на жительство в раю
Любовь и смерть в толпе
Раб лампы
Черная кошка в темной комнате
Выдержка
Стикс-2
Истина в вине
Сто солнц в капле света
Сто солнц-2.
Влюбленные безумны
Попробуйте позвонить позднее...
512 килобайт долларов
Метель
Утро ночи любви
Проигравшему достается жизнь
Достаточно одной таблетки
Огненная лилия
Я стану тобой
Три ступеньки в небо
Нить Ариадны
Обмани меня нежно
Пристрелите нас, пожалуйста!
Райский уголок для смерти

Наталья Андреева

Нить Ариадны

Москва 2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А65

Оформление серии *С. Киселевой*

Иллюстрация на переплете *В. Тимофеевой*

Андреева, Наталья.

А65 Нить Ариадны : роман / Наталья Андреева. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 320 с. — (Детектив-загадка. Романы Н. Андреевой).

ISBN 978-5-699-54706-7

Внешне жизнь Ариадны выглядит безоблачной и счастливой! Ей ничего не надо делать, чтобы жить безбедно. Мама, известная писательница, обо всем уже позаботилась. Жаль только, эти две неординарные женщины не хотят друг друга понять. Ариадна не признает юного мамино любовника, красавца Егора, считая его альфонсом, а Марина Минина терпеть не может своего зятя, заявляя: дочь могла сделать блестящую партию, а не приводить в дом нищего провинциала. Каждая считает: у меня любовь, а у нее уж точно ошибка. Заканчивается все трагически — писательницу находят в петле. Версия «самоубийство» могла бы всех устроить, если бы за месяц до этого при весьма туманных обстоятельствах не умер Егор Варламов, за которого звезда собиралась замуж. А тут еще Ариадна обнаруживает, что за ней следят. Она долго не может понять, кто он, ее преследователь. Муж? Отец? Лучшая подруга? Близкие люди в одночасье делаются чужими. Она одна против всех. Или... против себя.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-54706-7

© Андреева Н., 2012
© Оформление. ООО «Издательство
«Э», 2016

Жил-был на свете кукольных дел мастер, он держал магазин игрушек, которые никто не покупал. Кукольник все никак не мог расплатиться с долгами. Он стал подолгу болеть, чахнуть от тоски и от зависти к другим, более удачливым кукольникам, просто-таки купавшимся в золоте, его семья голодала, дети не хотели ходить в школу, потому что ровесники над ними смеялись, а порою откровенно издевались. Ведь отпрыски вконец обнищавшего мастера носили заштопанную одежду, из которой давно уже выросли, и не могли купить себе даже маленькой шоколадки, у них совсем не было денег. Жена бедного кукольника постоянно жаловалась на жизнь и ночами горько плакала, квартирная хозяйка грозилась их выгнать. И тогда отчаявшийся мастер стал продавать своих кукол дьяволу...

— Слава Богу!

Передо мной висели ноги. Женские ноги, на тонкой щиколотке одной болтался золотой браслет с пятью брелками. Машинально я их пересчитала. Штанины брюк задрались, пятки у носков были грязные, из дырки на правом торчал большой палец с желтым ногтем. Вербку покойница перекинула через перила

6 на высоте второго этажа, поэтому я видела только ноги. Они находились как раз на уровне моих глаз, и я подумала: «Слава Богу!»

Это была моя мать. Недавно она сняла с ногтей на ногах бордовый лак, я помню, как нашла на полу ее спальни испачканный ватный диск. Кто делал педикюр, знает, что ногти от яркого лака желтеют. Я вспомнила об этом, как только увидела висящие передо мной мамины ноги. «Слава Богу!»

Все остальные мысли были правильные: «Боже, какое несчастье!», «Милая мамочка, как я теперь без тебя?», «Какое ужасное горе!», «Какая утрата!», ну и так далее. Вы все их прекрасно знаете, эти мысли, на похоронах именно так и говорят. Вслух.

Но самая первая мысль всегда дрянь, и про нее молчат. Почему-то дрянь вылезает из нас первой, и именно она — правда. Я не люблю людей, которые делают паузы перед тем, как что-то сказать. Чем больше пауза, тем меньше я доверяю человеку. Это означает, что он высказывает не вторую мысль и даже не третью. Он тщательно перебирает свои мысли, выискивая самую-пресамую правильную. Это люди успешные, всеми уважаемые, они прекрасно устраиваются в жизни благодаря тому, что умеют манипулировать другими, но они все равно самые плохие на свете люди. Для меня. Я говорю первое, что придет в голову. Попробуйте угадать, сколько у меня друзей? Правильно: ни одного.

Я почти не делаю пауз, вот в чем беда. Наверное, поэтому на меня все смотрят как на сумасшедшую. Сотрудник милиции (или уже полиции) просто открыл рот, когда я сказала:

— Мне теперь достанется огромное наследство.

Он ожидал, что я буду рыдать, биться головой о стену, рассказывать о том, как горячо любила свою

мамочку. Все делают именно так, когда в их доме находят труп близкого родственника. Когда этот родственник богат, делают это с удвоенной энергией. Я действительно любила свою мать. Я любила ее так сильно, что подумала: «Слава Богу!», когда она умерла. И я сразу сказала про наследство, потому что это была вторая мысль, которая пришла мне в голову. И очень честная мысль: я теперь богата.

— Она не оставила предсмертной записки?

Он поставил в конце фразы жирный вопросительный знак.

— А зачем? — удивилась я. Мой вопросительный знак, легкий, как облачко, повис в воздухе. Меж тем фраза прозвучала без паузы: вопрос — ответ. Не было ни малейшего зазора, в который могла бы просочиться какая-нибудь правильная мысль. Я вовсе не собиралась выкручиваться.

— Самоубийцы, как правило, оставляют предсмертные записки.

— Ее любимой книгой были «Бесы» Достоевского. Если вы ее прочитаете, то поймете, что мама и не могла оставить никакой записки.

— Это шутка? — разозлился мент.

Я интеллигентка в третьем поколении, что подтверждается моим дипломом о высшем образовании и дипломами о высшем образовании моих предков, но уж простите великодушно, буду называть его именно так. Он мент. Он ходит, как мент, говорит, как мент, и даже дышит как мент. И злится он как мент: его злость кому-то может обойтись тюремным сроком. Мне бы надо сделать паузу, но я, как обычно, ляпнула:

— Вы не умеете читать? Ой, простите. — Я сообразила, что здорово обидела его. Взглядом мне было обещано лет десять за решеткой, и если я буду продолжать в том же духе, срок только увеличится. Каж-

8 дое мое слово тянет на год, не меньше. Черт возьми! Все-таки надо делать паузы!

— Читать? У меня на это нет времени, — буркнул он.

— Тогда вы не поймете, кто была моя мать, — сказала я печально. Как же долго мне придется ему объяснять!

— И кто? — подозрительно посмотрел он на меня.

— Писательница.

— А что она писала?

— Триллеры.

Он хмыкнул.

— Как эта?.. Донская?

Даже фамилию, которая у всех на слуху, он произнес неправильно. Совсем ничего не читает, бедняга. И смотрит только НТВ, а на других каналах — криминальные новости. Трудно иметь дело с человеком, у которого в голове всего одна извилина и он абсолютно уверен в том, что мозги других людей устроены точно так же. Что там единственная извилина, причем обязательная. Если ее нет у другого, этот другой что-то типа хромого щенка из принесенного бродячей собакой потомства, и дефективного следует утопить первым. Что делать со всеми остальными, здоровыми, пока не понятно. А этого надо топить однозначно.

— Триллеры — это немного не то, — промямлила я, почувствовав, что сейчас захлебнусь. Я тот самый щенок. Хромой на все четыре ноги, а главное, на голову. — Мама писала про маньяков.

— Марина Минина, — прочитал он вслух, заглянув в паспорт моей матери. — Не знаю такую.

— Вам достаточно зайти в любой книжный...

— У меня на это нет времени. Ну, что там, Коля? — крикнул он.

Тут я заметила, что дом полон людей. Кажется, они все пытались доказать, что я убила свою мать. Из-

за наследства. Я поняла это по тому, какие долгие они делали паузы перед тем, как что-то мне сказать. Они буквально подталкивали меня к мысли: ты убила свою мать. Я чуть было в это не поверила.

— Следов насильственной смерти не обнаружено, — и Коля выразительно посмотрел на меня. Он слегка запыхался, пока бежал по лестнице.

— Она перелезла через перила на высоте второго этажа с накинута на шею веревкой, — сказал мент и тоже посмотрел на меня.

— Да, она была в хорошей физической форме, — кивнула я.

— А предсмертной записки не оставила.

Мне надоело ему объяснять. Теперь я просто молчала.

— Иди, Николай. Работайте дальше, — он милостивым кивком отпустил взлохмаченного парня, а когда я попыталась пойти следом, рывкнул: — Сидеть!

Я села. Печально отметила, что у него красивые глаза, и не будь он ментом, был бы интересным мужчиной. И нравился бы женщинам. Но как он может нравиться, если он мент? Страх в любом человеке и в женщине тоже первичен. Она либо боится, либо любит. Вы можете это оспорить, как и любое мое умозаключение. Но все же дочитайте до конца. И вам придется признать мою правоту.

— Продолжаем беседу, — раздалось над ухом. Он встал, чтобы напугать меня еще сильнее, и навис надо мной как гора. Я почувствовала ледяной холод, исходящий от каменного ментовского сердца.

— Я готова.

Мой голос был похож на мышинный писк. Хотя нет. Я не мышонок, я щенок. Топите меня, топите!

— Ваша мать когда-нибудь говорила о том, что собирается покончить жизнь самоубийством?

— Последние двадцать лет — каждый день. Каждый раз, когда я ее видела, — тут же поправилась я. Это была правда. Мы встречались примерно раз в неделю с тех пор, как я вышла замуж. Это случилось пятнадцать лет назад. Кстати, моя мать вышла замуж в том же возрасте. И в двадцать один уже родила меня. — Да, мне тридцать четыре года, — сказала я, потому что он открыл и мой паспорт. Ну вот, с цифрами покончено. Я во всем люблю точность и доказательств теоремы выдаю залпом. Но для верности (ведь он мент) повторила: — Мне тридцать четыре.

— А выглядите моложе.

Я вспыхнула. Ненавижу, когда мне говорят комплименты! Я не верю в их искренность!

— У вашей матери что, были проблемы?

— Никаких, — заверила я.

— Я имею в виду проблемы с деньгами.

— У нее на счетах миллионы, — с гордостью за мать сказала я.

— Мужчины?

— О! Они ее обожали! Мама была красавицей!

— Ваш отец... э-э-э...

— Они официально развелись лет пять назад.

— Причина?

— По взаимному согласию.

— Я понимаю, но причина?

— А какая должна быть причина, чтобы люди развелись? — удивилась я. — Если я вдруг задумаю развестись со своим мужем, я сделаю это без всякой причины. И он меня поймет.

— Вы странная женщина, Ариадна Витальевна.

— Вот когда вы так говорите: Ариадна Витальевна, можно и в самом деле подумать, что перед вами сидит чудовище. Поэтому я Арина. Арина Петухова.

Очень гармонично звучит, и я с этим именем чувствую себя комфортно.

— А могло быть по-другому?

Оказывается, он не так безнадежен. И не совсем мент. У него есть чувство юмора.

— Могло! На этом настаивала мама. На том, чтобы у меня в паспорте было записано «Ариадна Минина».

— А ведь красиво!

— Я собираюсь поменять паспорт с тех самых пор, как мне его впервые вручили. Чтобы там написали «Арина», не «Ариадна». И теперь, когда мамы нет, я обязательно это сделаю!

— Вы что, не ладили со своей матерью?

— Да, мы не ладили.

По его взгляду я поняла, что лезу в петлю. Мои босые ноги скоро повиснут на высоте второго этажа. В отличие от мамы, на мне нет носков. А в носках, следовательно, нет дырок. И я не крашу ногти бордовым лаком, когда делаю педикюр. Мне точно конец.

— Давайте попробуем еще раз, — вздохнул он. — У вашей матери было полно денег и любовников, с которыми она, по вашим же словам, не испытывала никаких проблем... А со здоровьем? — ухватился мент за соломинку. Вот так всегда: стоит мужчине узнать меня поближе, как он тут же кидается мне помогать! — Со здоровьем имелись проблемы?

— Вы же видели, что она перелезла через перила на высоте второго этажа. Моей матери было пятьдесят пять, но ее гибкости позавидовала бы двадцатилетняя девушка. Она садилась на шпагат, — с гордостью сказала я.

— Быть может, тайная болезнь? Неизлечимая, а? К примеру, рак.

— Рак что, неизлечим? — в который уже раз удивилась я.

— Если на четвертой стадии...

— У нее не было даже первой. Повторяю: моя мать ничем не болела.

— Почему же она двадцать лет хотела покончить с собой? В чем причина?

— Вы бы прожили с ней эти двадцать лет! — сказала я со злостью. — Утром еще терпимо, но как только солнце клонилось к закату, наш дом превращался в ад. В один из его филиалов. Она так и назвала свой лучший роман: «Филиал ада № 5».

— Почему пять?

— Потому что до этого вышли четыре книги. Таких же ужасных.

— Постойте... — он наморщил лоб. — Я что-то слышал.

— Кино смотрели, — вздохнула я. — И не спрашивайте меня, как мне этот фильм. Я его ненавижу!

— Вас трудно допрашивать, — вздохнул он. — Вы сами задаете вопросы и сами же на них отвечаете. Значит, ваша мать двадцать лет хотела повеситься, но сделала это только сейчас...

— О нет! Она хотела отравиться! Ящик ее письменного стола забит сильнейшими транквилизаторами и антидепрессантами! Этого хватило бы, чтобы убить слона!

— Стоп! Она лечилась от депрессии?! Так бы сразу и сказали, что у нее депрессия!

— У нее не было депрессии, но она всячески уверяла в этом психиатров. Ей хватало пяти минут, чтобы получить у любого из них, даже у того, кто видел ее впервые в жизни, рецепт на сильнейшее успокоительное. Это была такая игра.

— Игра?

— Ну да. Она получала рецепт, тут же шла с ним в

аптеку, покупала лекарство и клала его в ящик своего письменного стола. Каждый вечер она выдвигала этот ящик со словами: «Вот видите? Я готовлюсь!» Она обращалась к нам с папой.

— А вы что?

— Сначала выбрасывали эту дрянь. Но она тут же доставала новую. В конце концов мы с папой поняли, что это бесполезно. Я вышла замуж, он значительно позже удрал на съемную квартиру, а мама продолжала покупать наркотики. Не знаю, кому она их потом показывала со словами: «Я готовлюсь». Вряд ли своим любовникам.

— Она прочно сидела на антидепрессантах?

— Она их вообще не пила.

— Я уже ничего не понимаю! — взмолился мент.

— Вот. А мы в этом дурдоме жили!

— Послушайте, — сказал он, глянув на часы. — Расскажите-ка мне все с самого начала. У меня еще есть полчаса, пока здесь работает опергруппа.

— Полчаса?! — я расхохоталась.

— Что, мало?

— И мало, и... много. В принципе, все укладывается в одну только сказку, не очень уж длинную. Ее рассказывал своим детям Карл Маркс...

— Кто?!

Он пришел в ужасе я поняла это по его глазам. Все-таки надо иногда читать книги.

— Карл Маркс. Вас удивляет, что он писал сказки? Правильно, он их и не писал, но любил рассказывать детям одну придуманную им самим. И сказка эта была страшной. Но моя мама его переплюнула. Ее версия оказалась еще страшнее.

Жил-был кукольных дел мастер, он держал магазин игрушек, которые никто не покупал. Кукольник все никак не мог расплатиться с долгами. Он стал подолгу болеть, чахнуть от тоски и от зависти к другим, более удачливым кукольникам, просто-таки купавшимся в золоте, его семья голодала, дети не хотели ходить в школу, потому что ровесники над ними смеялись... И тогда отчаявшийся мастер стал продавать своих кукол дьяволу...

Да, пару слов обо мне, прежде чем мы приступим к делу. К делу о смерти Марины Мининой. Всего пару слов.

НАТАЛЬЯ АНДРЕЕВА

Ариадна Витальевна Петухова Краткая автобиография

Моя мать хотела, чтобы я пошла по ее стопам: стала писательницей. Это заветное, почти все родители хотят, чтобы дети пошли по их стопам. Люди, которые неплохо устроились в жизни, уж точно, а моя мать устроилась очень даже хорошо.

Что касается меня, я меньше всего на свете хотела стать писательницей, и это одна из причин нашего постоянного конфликта. Мама любила повторять, что автобиография — последняя книга в жизни автора. Это означает: у него нет фантазии, и больше он вряд ли что напишет. Поэтому, когда она велела мне написать книгу, я написала автобиографию. Мама разоралась, но зато отстала. Сейчас мне это пригодилось. От меня потребовали объяснительную записку, и я по-

лезла в компьютер, чтобы распечатать свои дневниковые заметки. Я никогда не повторяюсь. Второй раз мне правду не написать. То есть я не смогу выдать ни строчки и наверняка сяду в тюрьму. Хорошо, что мама меня к этому подготовила! Не к тюрьме, конечно, а к тому, что мне придется объяснять, почему Марина Минина покончила с собой. Как это мудро с ее стороны, всю жизнь готовить меня к худшему!

Итак, по паспорту я Ариадна Витальевна Петухова, хотя надеюсь вскоре стать Ариной.

Сейчас мне тридцать четыре, я замужем, детей нет. Я не работаю. Чем же я тогда занимаюсь? Да ничем! Спасая от себя человечество. Благородная миссия, между прочим. Представьте себе на минуту, что рядом с вами работает этакое чудо: Ариадна Петухова. Те десять-пятнадцать человек, что вынуждены ежедневно общаться со мной по работе, будут приходить вечерами домой в состоянии стресса. Угадайте, сколько они протянут? Думаю, я развалю любую фирму месяца за два, максимум за три. Превращаю цветущий офисный оазис в безлюдную пустыню. Я ведь не делаю паузы перед тем, как что-нибудь ляпнуть. Говорю первое, что придет в голову. А кому нужна правда? Да никому, поэтому стремление всегда говорить правду и только правду еще называют цинизмом. Бесцеремонностью. Бестактностью. Гордыней. О! Там много чего! Масса нелицеприятных эпитетов, и все они очень точно характеризуют мое поведение в обществе. Я прекрасно это понимаю, потому и не работаю. Спасая от себя человечество.

Мужчины. Скажу коротко: я их боюсь. Как только со мной заговаривает мужчина, я холодею, цепенею и начинаю мучительно соображать: что ему от меня надо? Поскольку я была дочкой богатой писательницы, каждый мужчина мною воспринимался как грабитель.

